

рб3.3
1-90

**ПЕРВЫЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ
ПРОФЕССОРА
П. Е. МАТВИЕВСКОГО**

3 марта 2006 г.

ИСТОРИЯ ОРЕНБУРГСКАЯ:

**НАСЛЕДИЕ
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

СБОРНИК СТАТЕЙ

1

Орб3.3
ц90

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

16
12

Орб3.3
63.3(2Рос-40р)

ИСТОРИЯ ОРЕНБУРГСКАЯ: НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ПЕРВЫЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ
ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА П. Е. МАТВИЕВСКОГО

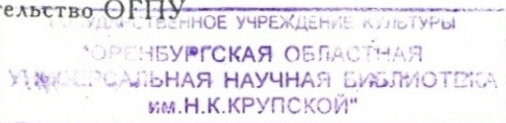
3 марта 2006 года

Сборник статей

ТОМ 1

Оренбург

Издательство ОГПУ
2006

4. Резолюция III Всероссийской конференции по краеведению (11—14 декабря 1927 г.). М., 1928.
5. Филимонов С. Б. Краеведение и документальные памятники (1917—1929 гг.). М., 1989.

И. М. Белка

ТРАКТОВКА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ХИВИНСКОГО ПОХОДА 1839—1840 гг. В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В XIX веке процесс присоединения Средней Азии к России шел достаточно медленно. Разработку программы действий в этом регионе осложняли разногласия между центральным правительством и местной администрацией, опасения спровоцировать конфликт с Англией и недостаточная осведомленность о внутренней обстановке в Средней Азии. В начале XIX века российское правительство в отношениях с ханствами Средней Азии руководствовалось, прежде всего, интересами развития торговых отношений и возвращения российских пленников, находившихся там в рабстве. В 30-е годы XIX века Англия начала укреплять свои позиции в Средней Азии. Во внешней политике России появилась новая задача — противостоять британской экспансии в этом регионе, поскольку также была заинтересована в восточных рынках.

В связи с этими событиями возросло значение г. Оренбурга, который с момента основания являлся важнейшим центром внешней политики России на Востоке. Пограничный город привлекал особое внимание русского правительства как главный пункт торгового и политического общения России с ханствами Средней Азии. С прибытием в Оренбургский край нового военного губернатора Василия Алексеевича Перовского политика по отношению к среднеазиатским ханствам приобрела более агрессивный

характер. В это время особенный интерес Англия стала проявлять к недружественной России Хиве, которая могла стать базой для проникновения англичан в Среднюю Азию. В 1839—1840 гг. по инициативе В. А. Перовского и с санкции российского правительства был предпринят военный поход против Хивинского ханства. Эта попытка продвижения русских в глубь Средней Азии оказалась неудачной.

В исторической литературе единого мнения о происхождении идеи похода нет. Изданные документы представляют лишь официальную версию события. В то же время дореволюционные, советские и российские историки в своих исследованиях доказали, что в предприятии против Хивы 1839—1840 гг. множества теневых мотивов, стоящих за официальной концепцией.

О походе 1839—1840 гг. написано сравнительно немного. Историческая литература на эту тему представлена в основном работами дореволюционного периода. Советская историография ограничивалась лишь общей негативной оценкой похода как колонизаторской акции. Хивинский поход 1839—1840 гг. был представлен в исследованиях либо в рамках обзора российско-среднеазиатских отношений, либо публикациями мемуарных и эпистолярных источников. В историографии Хивинского похода 1839—1840 гг. очень много спорных вопросов. В частности, у историков нет единого мнения относительно причин перехода российского правительства от мирных торгово-дипломатических отношений со среднеазиатскими ханствами к их захвату.

Концепция неудачного похода 1839—1840 гг. начала складываться вскоре после покорения Хивы в 1873 году. За основу авторы брали в основном источники личного происхождения (рассказы, записки, воспоминания, свидетельства очевидцев и т.д.). Тогда же стали появляться специальные исследования. Данная ситуация объяснима

рядом субъективных и объективных факторов. Во-первых, недостаточность источниковедческих знаний, необходимых для работы с единственным доступным на тот период источником, — мемуарами участников похода. Во-вторых, историки считали нецелесообразным исследовать крайне неудачную экспедицию оренбургского военного губернатора, командира отдельного оренбургского корпуса, выдающегося военачальника В. А. Перовского. Поэтому вполне объясним возникший интерес к проблеме после реванша 1873 года. К этому рубежу относится первое и последнее издание документации по истории экспедиции 1839—1840 гг.: в 1873 году в журнале «Русская Старина» были опубликованы три документа, представлявших обществу официальную цель похода. По объективным причинам ознакомиться с этой публикацией не удалось. Однако уже в трудах авторов дореволюционного периода налицо неоднозначность и туманность официальной версии происхождения похода.

С 70-х годов XIX века активно издавалась мемуарная литература и воспоминания с элементами исследования: книга Н. П. Иванова «Хивинская экспедиция 1830—1840 гг. Очерки и воспоминания очевидца. Практические советы отъезжающим в степи»; работа М. И. Иванова «Описание зимнего похода в Хиву в 1839—1840 гг.» (1874). Иванин Михаил Игнатьевич (1801—1874) — офицер генерального штаба, участник похода. По поручению генерал-адъютанта Перовского в 1848 и 1849 гг. Иваниным было составлено самое полное описание Хивинского похода 1839—1840 гг. Рукопись оказалась у В. А. Перовского, умершего в 1857 году, а затем хранилась в архиве генерального штаба отдельного генерального корпуса. Материалы рукописи М. И. Иванова капитан Голосов издал в «Военном сборнике» (1863, № 1—3). В этой работе представлена фактическая сторона похода. Анализ характера похода 1839—1840 гг. сводится к определению: «наказа-

ние Хивы вооруженною рукою». Это своеобразный компромисс: автор напрямую не указывает агрессивных нот в позиции российского правительства в среднеазиатском направлении внешней политики, но и дипломатией не называет.

В целом такая оценка характера похода присуща всем работам более позднего времени, которые в своей основе использовали источники личного происхождения без должной критической обработки. Авторы источников личного происхождения, как правило, не характеризовали поход, а повествовали о событиях. Кроме того, такого рода работы или замалчивали непродуманные действия Перовского, или характеризовали его деятельность исключительно с положительной стороны и представляли официальную версию происхождения похода 1839—1840 гг.

Одной из первых обобщающих работ по истории русско-хивинских отношений стала книга А. Г. Петровского «Походы русских войск на Хиву» (1887). В исследовании автор попытался систематизировать военные походы на Хивинское ханство, начиная повествование со времени казацких набегов и похода князя Бековича-Черкасского (царствование Петра I) и заканчивая рассказ падением Хивы (1873). Истории Хивинского похода 1839—1840 гг. в этой работе отведена самостоятельная глава III «Поход в Хиву графа Перовского в царствование Императора Николая Павловича». Использованные источники автор не указал. Единственный документ, который приводится в тексте, — приказ генерала В. А. Перовского от 14 ноября 1839 года без указания первоисточника. Вероятнее всего, этот документ был опубликован в «Русской старине» в 1873 году. Из этого следует, что автор повторяет традицию историков того времени: первоисточники перепечатывались без ссылок и, следовательно, с полным доверием к материалу. А. Г. Петровский при анализе характера похода 1839—1840 гг. пишет, что «русские давно стремились

60

покорить хивинскую землю и усмирить своих хищных соседей¹. Одновременно автор отмечает и оборонительный характер похода и задачи: наказать хивинцев и их хана Аллакула и вернуть русских пленных, увезенных в Хиву. В исследовании впервые были отмечены захватнические мотивы карательной экспедиции 1839—1840 гг.

Следующая попытка дать целостную картину события была предпринята А. И. Макшеевым (1891) в работе «Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских». Эта попытка оказалась более удачной. Неоспоримым достоинством работы являются ссылки на источниковую базу, основа которой — описание похода его участником — М. И. Иваниным, очерки и воспоминания очевидца Н. П. Иванова и некоторые документы из «Русской старины» (февраль 1873). А. И. Макшеев характеризует поход 1839—1840 гг. как «попытку наступательного движения русских в глубь Туркестана». Автор впервые дает успешный анализ официальных целей похода, указанных в документальных источниках. До него авторы ограничивались цитированием документов с целями похода. Макшеев первым из дореволюционных историков в своей работе дал критику документов и отметил, что «политическая мысль экспедиции Перовского в Хиву была крайне незрелой», а происхождение похода по официальной версии вызывает много вопросов. Автор, раскрыв предысторию похода и его подготовку, пришел к выводу: «Предприятие Перовского в политическом отношении не могло иметь успеха, потому что не было подготовлено... чтобы оспаривать влияние, необходимо было предварительно самим утвердиться в степи, но генерал Перовский думал иначе и полагал возможным начать дело с конца»². До этого исследования историки возлагали ответственность за неудачу похода на всех, кроме Перовского. Макшеев впервые справедливо отметил виновность самого военного губернатора. Тем самым в разработке происхождения

похода 1839—1849 гг. был сделан еще один шаг: выявлен личностный фактор. Это является прогрессивным моментом в дореволюционной историографии данной работы. Недаром «считается, что XVIII — начало XIX века — время, пронизанное молодостью, самоотверженностью, инициативой. Люди этой эпохи преданы идее гражданского служения, их думы и дела направлены на благо России». Биографы В. А. Перовского характеризуют его как одного из таких людей. И нельзя отрицать, что эти черты характера В. А. Перовского сыграли злую шутку и стали одной из причин поспешности решения военного предприятия против Хивы в 1839—1840 гг. Таким образом, А. И. Максимов — дореволюционный историограф, впервые наиболее разносторонне представивший происхождение похода в Хиву 1839—1840 гг.

Концептуальной является книга историка И. Н. Захарьина (Якунина) «Хива. Зимний поход в Хиву Перовского в 1839 году и первое посольство в Хиву в 1842 году» (1898). Автор с 1889—1890 гг. жил в Оренбургском крае, общался с очевидцами событий похода в Хиву 1839—1840 гг. В основе издания — записки полковника Зеленина, принимавшего участие в экспедиции в должности топографа. Записки впервые были изданы в «Оренбургском листке» (1890 г., № 12), а затем переизданы в Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии в 1914 г. Повествование дополнено некоторыми документальными источниками. В данной работе экспедиция против Хивы представлена как карательная мера «с целью наказать хивинцев за поощрения киргизов увлекать в плен русских людей и продавать их в Хиву, предполагалось освободить массу русских, томившихся в русской неволе». В целом автор повторил традицию безапелляционно выдавать информацию официальных данных. А насколько это соответствовало действительности, вероятно, нежелательно было обсуждать, дабы не вызвать недовольства властей.

Остальные дореволюционные авторы также старались придерживаться этой традиции.

В советской историографии подход к этой проблеме был несколько иной. В советский период и на долгое время в исторической науке утвердились позиции историка-марксиста М. Н. Покровского. Он создал целостную, идеологизированную, но внутренне противоречивую концепцию присоединения Средней Азии к России. В своей концепции он подчеркивал колонизаторскую сущность политики царизма. По мнению Покровского, англичане мало интересовались российской политикой в Средней Азии, однако были недовольны политикой русского протекционизма, с которой постоянно сталкивалась английская «русская торговля». Начало англо-русского противостояния Покровский относил к 30-м годам XIX века, связывая его с появлением Англии в Афганистане и хивинским походом оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского. При этом Покровский доказывал, что наступала только Россия, тогда как Англия отстаивала свои позиции на Среднем Востоке. Таким образом, утвердился приоритет внешнеполитического фактора происхождения хивинского похода 1839—1840 гг.

В предвоенные и послевоенные годы историки отказались от предыдущих оценок. Например, один из советских востоковедов Н. А. Халфин в своей работе «Россия и ханства Средней Азии» (1974) отмечал, что оренбургские власти привлекла активная деятельность англичан, а экспедицией в Среднюю Азию царское правительство стремилось помешать утверждению там английского влияния. Н. А. Халфин в более позднем издании «Н. В. Ханыков — востоковед и дипломат» писал, что основной задачей России было укрепление позиций в Средней Азии. К осуществлению этой цели и приступил В. А. Перовский.

В целом в советский период историографии характер Хивинского похода 1839—1840 гг. рассматривается одно-

сторонне. Авторы учитывают только внешнеполитические факторы. Как показали дореволюционные историки, существует еще ряд показателей, влияющих на определение характера экспедиции 1839—1840 гг. Нельзя не учитывать тот факт, например, что Россия действительно была заинтересована в XIX веке и в расширении рынков сбыта, и в присоединении такого выгодного района. Также нельзя забывать и о личностном факторе: В. А. Перовский, будучи опытным военачальником, явно поторопился с походом, как верно отметил историк А. И. Макшеев. Но советское поколение историков внесло и прогрессивный вклад в разработку проблемы происхождения похода 1839—1840 гг. Исследователи акцентировали еще одну сторону, определяющую русско-хивинские отношения, — соперничество с Англией за позиции в Средней Азии.

В этом отношении представляют особую ценность труды советского историка Павла Евменовича Матвиевского. В его исследованиях важное место принадлежит работам об англо-русском соперничестве в Средней Азии в 30—40-е годы XIX века. Происхождение похода 1839—1840 гг. трактуется так: «...«завоевательные планы» русского царизма в среднеазиатском направлении в 20—30-х гг. XIX века были еще предельно ограничены неразвитостью в стране капиталистического способа производства. Отношения между Россией и среднеазиатскими ханствами строились на основе устранения препятствий, мешавших их хозяйственному общению и сближению. И военная экспедиция В. А. Перовского из Оренбурга в 1839—1840 гг. была лишь ответной мерой на вторжение в Кабул генерал-губернатора Индии Окленда»³. В советской историографии похода в Хиву эта оценка является наиболее системной и полной.

Разработку этого направления русско-среднеазиатских отношений продолжают современные историки.

Одной из современных работ, представляющих неоспоримую ценность для изучения похода в Хиву 1839—

1840 гг., представляет работа коллектива авторов «Оренбургский губернатор В. А. Перовский: документы, письма, воспоминания». Историю Хивинского похода 1839—1840 годов составители книги, Е. Г. Вертоусова, Г. П. Матвиевская, А. Г. Прокофьева, показывают через призму писем В. А. Перовского и В. И. Даля, оставляя читателю возможность самостоятельно сделать выводы.

Важный вклад в изучение хивинского похода внесла российский историк, дочь Павла Евменовича Матвиевского Галина Павловна Матвиевская. Она в своих трудах развила теорию отца относительно происхождения похода 1839—1840 гг. и дополнила историю зимней экспедиции новым элементом. Г. П. Матвиевская работает и над научной стороной военного похода⁴. Историки при освещении темы останавливались, главным образом, на военной истории похода, но Галина Павловна анализирует и научно-исследовательский фактор в происхождении экспедиции. В походе принимали участие ученые. Их работой руководил В. И. Даль. Ведь для покорения Средней Азии необходимо было сделать своеобразную разведку — изучить местность, народ, природно-климатические условия и т.д. Об этом значении хивинского похода историки умалчивали. Таким образом, открывается новая страница в изучении похода в Хиву В. А. Перовского 1839—1840 гг.

Следует констатировать, что подлинная картина происхождения хивинского похода В. А. Перовского 1839—1840 гг. постепенно вырабатывалась многими поколениями историков дореволюционного, советского и впоследствии российского периодов. Но в трудах исследователей до сих пор нет целостного представления. Авторы всех поколений выделяют одну сторону проблемы, не уделяя должного внимания остальным. Обобщая все вышесказанное, отметим основные варианты объяснения причин хивинского похода 1839—1840 гг. под руковод-

ством В. А. Перовского, существующие в отечественной историографии:

1. Оборонительный фактор: необходимость наведения порядка в среднеазиатских землях с целью расширения российских рынков и наказания хивинцев за российских пленников.

2. Внешнеполитический фактор: внешняя политика Российской империи диктовала необходимость опередить Англию в установлении своего влияния в Средней Азии.

3. Колониальный фактор: заинтересованность России в таком стратегически важном регионе, как Средняя Азия.

4. Личностный фактор: личность В. А. Перовского обусловила поспешность решения предпринять поход в Хиву без четкой проработки плана и учета предыдущего опыта русско-среднеазиатских отношений.

5. Исследовательский фактор: необходимость изучения территории Средней Азии (местность, природно-климатические условия, население и т.д.).

Примечания

1. Петровский А. Г. Походы русских войск на Хиву. М. : Тип. И. Д. Сытина и К^о, 1887. 2 с.

2. Макшеев А. И. Исторический обзор Туркестана и наступательные движения в него русских. СПб., 1891. 150 с.

3. Матвиевский П. Е. Очерки истории Оренбургского края XVIII—XIX веков. Оренбург : Оренбургская книга, 2005. 342 с.

4. Матвиевская Г. П. Кому война — кому наука // Вечерний Оренбург. 2000. № 20.